

§ 5. Особые затруднения, встречаемые при мене интеллектуальными продуктами

С одной стороны различие, по-видимому существующее между различными родами продуктов, а с другой несовершенство меновых операций ввели мыслителей в заблуждение.

Между скотоводом, продукты которого составляют: масло, говядина, шерсть и промышленником, фабрикующим полотно, приготовляющим шляпы, обувь — мена производится естественно и легко. Труд каждого из них воплощается в материальный, осязательный предмет, который можно испробовать, измерить, взвесить и потребление которого необходимо ограничивается самим приобретателем и его семьею. Оценка, передача и расчёт в этом случае не представляют никакого затруднения. Поэтому то в законодательстве существуют об этом предмете старые и точно определенные постановления.

Не так легок обмен подобных продуктов на произведения умственные, на идеи, которые, как кажется с первого взгляда, даже вовсе непотребляемы и распространение которых, если они переданы хотя одному лицу, может идти до бесконечности уже независимо от автора; при таких обстоятельствах законодатель колеблется, а заинтересованные стороны кричат, одна о преувеличении, другая о неблагодарности. Во все времена в торговле было много несправедливого; научился ли еврей, в продолжении трех тысяч лет занимающийся торговыми оборотами, отличать мену от ажиотажа и кредит от лихоимства? Люди трудящиеся над разработкою отвлечённых идей жалуются на плохое обращение, которому они подвергались, а разве лучше участь несчастных тружеников, прикрепленных к земле?... Будем хладнокровно толковать о вещах и имея в виду то обилие вероломства, с которым нам приходится бороться, не будем выпускать из виду требований здравого смысла.

Начнем с самых простых примеров, а впоследствии перейдем и к более сложным.

Доктора призывают к больному, он определяет род болезни, прописывает лекарство. За такую услугу принято платить доктору, по выздоровлении, соразмеряя плату с числом визитов; в Англии, впрочем, доктору платят за каждый визит особо. Но что же дал доктор больному? — Совет, рецепт, заключающийся в четырех строчках, вещь нематериальную,

неосвязаемую, не имеющую прямого отношения к той плате, которая за нее производится. Одно лекарство, удачно прописанное, — спасет жизнь больного, и за него не жалко заплатить даже 1000 франков, а другое не стоит и чернил, которые на него изведены. Но всякий поймет, что доктор все-таки трудился, тратил время, должен был совершить путешествие пешком или в экипаже; что прежде чем сделаться доктором и получить практику, он должен был много и долго учиться и т. д. За все это нужно вознаграждение, но в чем же оно будет состоять? Нет никакой возможности точно определить его размеры. Данными для такого определения служат соображения о том, чего стоило доктору изучение медицины, сколько у него больных, как велика конкуренция со стороны других докторов, как велика потребность в докторам и как высока степень благосостояния данной местности. Словом, хотя тут нет обмена продуктами, но есть обмен ценностями; поэтому услуги докторов вознаграждаются одинаково, по одной и той же таксе, независимо от того, удалось ему спасти жизнь больного или нет.

На том же самом основании вознаграждаются и услуги лиц, живущих частными уроками. Из данного урока, из прописанного рецепта, лицо получившее их может сделать все, что ему угодно. Никто не может запретить ученику научить другого тому, чему сам он выучился, или больному — передать рецепт другому лицу. Ни учитель, ни доктор не могут претендовать на это. Если лечить больных запрещено лицам не имеющим докторского диплома, то это запрещение имеет полицейскую и гигиеническую цель, а вовсе не стремится к защите привилегии. Всякий может изучить медицину и получить докторскую степень. Словом в этом случае, как и во всех других вполне применяется тот основной принцип мены, по которому приобретенная меною вещь становится собственностью приобретателя.

Несколько иначе вознаграждаются труды университетского профессора, которому государство платит определенное жалованье, но в сущности и тут наблюдается тот же принцип. Закон, скажете вы, запрещает кому бы то ни было воспроизводить его лекции. Я допускаю такую предосторожность со стороны законодателя который не хочет, чтобы мысли профессора искажались и обезображивались непонятливыми или неблагонамеренными слушателями. Профессор отвечает за свои лекции, следовательно он должен и наблюдать за их печатанием. Но выгода, которую профессор получает от обнародования своих лекций сверх жалованья, должна быть рассматриваемая как соединение в одном лице двух должностей. Она может быть терпима вследствие принятия в соображение умеренности профессорского оклада, вследствие желания поощрить усердие профессоров и т. д. Я не стану оспаривать разумности этих мотивов. Я говорю только, что нужно принять одно из двух: или эта прибыль от обнародования лекций составляет добавочный оклад профессора, или она представляет собою нарушение основного в торговле правила, что за один товар дважды не платят. Во всяком случае, из этого обстоятельства никак нельзя вывести необходимости установления бессрочной литературной ренты.

Судья, священник, чиновник административного ведомства, все эти лица рассматриваются с той же точки зрения. Все они также интеллектуальные производители и только желание возвысить их значение и не унижать их до сравнения с простыми промышленниками побудило изобрести для них названия жалованья, гонорара и т. п., которые все подобно более скромному названию — заработной платы, указывают на одно и то же понятие, на

цену услуг и продуктов.

Не редко случается, что государство назначает пенсион выходящим в отставку слугам своим. Этот пенсион, необходимо пожизненный, нужно рассматривать, как составную часть вознаграждения за труды и следовательно он подходит под общие правила. В этом случае легко примириться с некоторым уклонением от основного принципа. Но уклонение не уничтожает принципа, а скорее доказывает его существование. В сущности всем этим управляют все те же правила мены, а в чем они заключаются? — В спросе и предложении, в свободном соглашении, в двустороннем договоре, в представлении продукта за продукт, услуги за услугу, ценности за ценность, в том, что после передачи продукта и принятия за него эквивалента обе стороны совершенно расквитались. Нужно обратить внимание на это выражение; по окончании мены прекращаются всякие взаимные обязательства сторон; всякий получает известную вещь и может распоряжаться ею безотчетно, по своему произволу.

Обратимся к писателям. — Из всего сказанного очевидно, что если бы писатель был общественным деятелем, то определить способ его вознаграждения было бы очень легко. На него смотрели бы, как смотрят на профессора, судью, администратора, священника, деятельность которых предполагает также известного рода дарование, потому, что хотя они и не занимаются литературой, но часто выказывают столько же красноречия, знания, философского направления и героизма, как и человек перелагающий свои мечтания в стихи, диссертации, памфлеты или романы. В этом отношении было бы дерзко и обидно проводить какое нибудь различие между всеми этими услугами и продуктами. Однако наследственность уничтожена и в судейском и в духовном сословии, точно так же, как и в промышленности; вознаграждение облечено в форму ежегодного оклада, дополняемого иногда назначением пенсионна, должности отдаются по конкурсу, так что и тут является та же свободная конкуренция, которая господствует в сфере промышленности.

Получая жалованье от государства, может ли учёный или литератор требовать, чтобы на него смотрели иначе, чем на прочих чиновников? Конечно нет. Получая жалованье от правительства, литератор потерял бы всякое право собственности на свои сочинения, за которые он достаточно уже вознаграждался бы ежегодным окладом. Во Франции духовенство кроме жалованья от правительства имеет еще случайные доходы и жалуется на свою судьбу; профессора получают особую плату за экзамены; академики получают вознаграждение за каждое заседание. Не худо бы отменить все эти прибавки, представляющие собою остаток от тех старых времен, когда экономические понятия были весьма не точны, когда судья брал взятки, а духовенство получало доходы; когда в руках дворянства была и привилегия военной службы и привилегия права собственности, между тем как земледелец был в крепостной зависимости и отправлял барщину; когда цивиль-лист государя смешивали с государственной казной; словом, когда производство находилось в рабском положении, а мена заключалась в взаимном надувательстве.